

Святейший Патриарх Кирилл

Борьба против духов злобы поднебесных

*Доклад на пленарном заседании
XXIV Всемирного русского народного собора*

*25 октября 2022 года Святейший Патриарх Московский
и всея Руси Кирилл выступил на пленарном заседании
XXIV Всемирного русского народного собора
«Православие и мир в XXI веке».*

Уважаемые участники, делегаты и гости Всемирного русского народного собора!

Сердечно всех вас приветствую. Наш представительный форум собирается уже в двадцать четвёртый раз. Хорошо помню общую атмосферу в дни, когда проводился первый форум, в том числе критические взгляды на инициативу со стороны определённой части нашего социума. Наверняка никто в то время и предположить не мог, что мы по милости Божией доживём до XXIV съезда. Надеемся, что эти съезды продлятся ровно настолько, насколько наша с вами работа, наш труд будет нужен нашему народу.

Со времени первого съезда минуло без малого тридцать лет. Но каждый раз, когда мы собираемся вместе, у нас появляется возможность поднимать актуальные вопросы, обсуждать их и формулировать ответы – те ответы, которые приемлемы для представителей традиционных религий, этносов, социальных групп, в том числе социальных групп, которые в своей повседневности не всегда согласны друг с другом при обсуждении той или иной проблематики.

Убеждён, что служение Всемирного русского народного собора должно быть в первую очередь определено самой природой собора. Собор – это собрание, собор – это то, что соединяет. И русский народный собор должен быть, без сомнения, инструментом консолидации, единства нашего народа поверх тех границ, которые естественно возникают в каждом обществе.

Тема, которой посвящено наше заседание, звучит очень внушительно и масштабно: **«Православие и мир в XXI веке»**. С её содержанием соотносится многое из того, что мы обсуждали на протяжении прошлых десятилетий.

Не только как Председатель ВРНС, но и как Предстоятель Русской церкви я хотел бы обратиться вначале к участникам нашего собрания, принадлежащим к другим духовным традициям. Я сердечно рад приветствовать вас, братья, и уверен, что, как люди, укоренённые в русской культуре, вы осознаёте особую значимость Православия в формировании национальной самобытности и духовной идентичности России. Надеюсь на ваше личное активное участие в работе форума. Убеждён, что свойственные вам конструктивная настроенность на диалог и готовность к плодотворному взаимодействию помогут в формулировании общих соборных решений.

Для каждого верного чада Русской церкви соотношение терминов «Православие» и «мир» наполнено значимым богословским содержанием. Для нас Православие неразрывно связано с двухтысячелетним восточнохристианским духовно-культурным наследием. Ведь эта традиция непосредственно восходит к Самому Господу Иисусу Христу и отражена в Священном Писании и в совокупности действий Божественного Духа, явленных в мире при человеческом участии. Всё это мы называем Божественным Преданием, Божественной Традицией, ибо само латинское слово «традиция» буквально и означает «передавать, вручать, завещать». Традиция – это действительно механизм, способ передачи от поколения к поколению. Чего? Не мусора, не каких-то слоёв общественной жизни, которые сегодня актуальны, а завтра умирают. Традиция передаёт ценность. Вот почему удар по традиции – это всегда удар по самобытности, по ценностям народа. И почему Церковь является традиционной? Почему Церковь ориентирует свою проповедь на сохранение традиций? Потому что она несёт ответственность пред Богом и пред историей за хранение ценностей, которые необходимы для жизни и развития народа.

В соответствии с текстом Священного Писания мы исповедуем неизменность Бога, *«у которого нет изменения и ни тени перемены» (Иак. 1:17)*. Это вполне согласуется с вероучением и иных монотеистических религий, представители которых тут присутствуют и которым я хотел бы выразить своё уважение. Бог всегда верен своим обетованиям

и ждёт от человека того же. Конечно, отношения Творца и мира – тема непростая уже потому, что не может человек судить о путях Божиих. Однако прежде необходимо честно ответить на вопрос, насколько человечество готово сегодня внимать Божественному гласу и следовать призыву Создателя, насколько оно готово воспринимать Божественную волю в качестве определяющего ориентира в своих действиях.

Пленарное заседание
XXIV Всемирного
русского народного
собора.
Фото: свящ. Игорь
Палкин

И здесь, конечно, возникает много вопросов и много сомнений. С сожалением приходится признать, что в XXI веке человечество не обнаруживает особой готовности к следованию по «пути жизни», предложенному Создателем: *«Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое» (Втор. 30:19)*. Ныне перед лицом глобальной опасности ядерной катастрофы эти слова вновь звучат с особой напряжённостью и особой силой.

Показательно, что всё это происходит на фоне, с одной стороны, постоянного умножения технических возможностей человека, с другой – возрастания старых и возникновения новых опасностей. Перечислю лишь некоторые из них. Это истощение природных ресурсов и загрязнение среды обитания, возникновение новых инфекций, погружение значительной части наших современников в виртуальный мир и связанный с этим отрыв от реальности, оттачивание изощрённых способов манипуляции как личным, так и массовым сознанием, создание систем, могущих обеспечить тотальный контроль над человеком, и наиболее остро ощущаемое нами сегодня умножение вооружённых столкновений и конфликтов на Земле.

Особенно хотел бы обратить ваше внимание на вызовы, которые не следует рассматривать как побочные следствия технологического развития, подобные перечисленным выше. Эти новые вызовы сами по себе являются плодами целенаправленного воздействия на человеческую природу и человеческую личность. Я имею в виду проблематику, обо-

значаемую общим термином «трансгуманизм». По сути, это радикально новое учение, предлагающее, и я бы даже сказал, агрессивно продавливающее принципиально иной взгляд на человека и отрицающее те антропологические представления, которые существовали на протяжении тысячелетий.

Уже с позиций технологического прогресса это учение с новой силой задаёт нам старый вопрос: что есть человек? Этот вопрос древний, как и сам предмет вопрошания. Мы встречаем этот вопрос в библейском тексте. И там он имеет продолжение, гармонично включающее его в общую религиозную концепцию бытия мира и Бога как его начала. Именно поэтому в тексте Библии внутри самого вопроса заложен и ответ. Даже сам вопрос обращён к Источнику бытия: *«Господи! Что есть человек, что Ты знаешь о нем, и сын человеческий, что обращаешь на него внимание?» (Пс. 144:3).*

Непосредственно из самой формулировки следует, что человек настолько важен для Создателя, что Тот непрестанно помнит о нём и заботится. Более того, библейское Откровение указывает нам, что, по замыслу Творца, человек возвышается над всем творением, поскольку создан *«по образу» и «по подобию» Божию (Быт. 1:26).*

Всё, о чём я сейчас говорю, относится к области религиозной. Однако современный человек вынужден жить в мире, который принято именовать секулярным. В секулярном мире в большинстве случаев религиозные представления настойчиво вытесняются на периферию жизни, что зачастую приводит к конфликту различных форм мировосприятия: личных духовных убеждений и навязываемого извне секулярного подхода.

Для того, чтобы понимать, как отстаивать значение непреходящих духовных ценностей перед лицом секулярного нерелигиозного мира, необходимо ясно и отчётливо осознавать природу и истоки этой идеологии.

Идея создания секулярного общества составляет один из важнейших базовых принципов новой западноевропейской и вообще западной культуры. Форматирование социума по секулярному образцу, по сути, означает изгнание религии из общественного пространства и помещение её в «гетто». Таким образом, религиозным институтам и общинам верующих, состоящим из граждан, наделённых такими же правами, как и их нерелигиозно настроенные соотечественники, отказывается в учёте их религиозных позиций при принятии важных для всех решений. Если называть вещи своими именами, то следует сказать, что в мировоззренческом отношении людям предлагается атеистический подход к миру и человеку, включающий атеистическую этику и во многом основанные на этой этике нормы общественного поведения. Сегодня избегают термина «атеизм», потому что он скомпрометирован в советское время коммунистической идеологией, но на самом деле речь идёт именно об атеизме. Логическим следствием становится запрет и на индивидуальное проявление религиозности в обществе: неприлично проявлять религиозность, что хорошо знают люди, которые путешествуют по западным странам.

При этом принято различать два схожих термина, происходящих от одного корня: «секуляризация» – процесс распространения идей светскости в самом широком смысле слова, «секуляризм» – идеологический

инструмент, с помощью которого заинтересованные силы распространяют указанное мировоззрение.

Секулярные идеи стали особенно активно развиваться в Новое время. В этот период в Европе происходили радикальные экономические изменения. Создавалось общество нового типа, экономика которого была ориентирована на создание условий для возрастающего потребления материальных благ.

Это время было отмечено также попытками создания жизненного пространства, социальной среды, чуждой каких бы то ни было религиозных влияний. Доведённый до своего логического конца замысел должен был привести к выводу религии за пределы общества. По опыту мы знаем, что религия в секулярном обществе преподносилась как атрибут отсталости, мешающий прогрессу, из этого делались выводы о необходимости преодоления её как «пережитка» прошлого, и особенно ярко это проявилось в коммунистических идеологии и практике.

Кроме того, другим способом противостояния религии была попытка отвести ей как можно более скромное место в сфере субъективных психологических переживаний каждого отдельного человека. Наивные, на первый взгляд, рассуждения, которые и сегодня часто приходится слышать, о том, что «вера в Бога должна быть в душе», есть не что иное, как плоды секулярной идеи, возросшие на почве стремления изъять религию из общественной жизни: веруй, если хочешь, в кого угодно и как угодно, но вне всякого влияния на общественную жизнь, которая должна быть свободна от религиозного знания и от религиозности как таковой.

На протяжении нескольких столетий секулярное мировоззрение апеллировало к авторитету научного знания. Следствием этого стало сближение понятий «светское» и «научное» в сознании обывателя. Появилось очевидное стремление переноса закономерностей, выявленных исследователями в естественно-научных областях, на сферу духовной жизни. В общественном сознании, пропитанном идеологией секуляризма, всё отчётливее проступало желание упразднить границы между важнейшими мировоззренческими категориями: истиной и ложью, добром и злом.

Утверждая, что «истин много», секуляризм разрушал единый ценностный фундамент человеческого бытия и создавал собственный искусственный универсализм, основанный на идее равноудалённости от всех традиционных ценностных установок и на требовании «нейтралитета», мыслившегося качеством, гарантирующим беспристрастность в вынесении каких бы то ни было суждений.

Сформированная на новых мировоззренческих основаниях секулярная культура по самой своей природе настроена оппозиционно по отношению к религиозному взгляду на мир. В некоторых случаях её представители и ныне переходят от осторожного соблюдения благоумной дистанции к откровенно антирелигиозным действиям, попирающим важнейшие сакральные символы и оскорбляющим чувства верующих. Мы все с вами помним акты вандализма, совершавшиеся над религиозными символами под прикрытием требований свободы искусства.

Другой способ подавления религиозного сознания – это стремление поместить религию в «прокрустово ложе» жёстких требований секулярного общества, требующего отказа от следования богоустановленным моральным нормам и открытого свидетельства об Истине. Взамен предлагается предоставление легального статуса в социуме. Фактически это означает, что секуляризация на определённом этапе заставляет общество признать грех добродетелью и стремится сделать религиозные общины соучастниками этого нравственного преступления. Нет понятия «грех» – есть понятие «вариантность человеческого поведения». Есть понятие «соблюдение или несоблюдение закона», но понятие «грех» в секулярном сознании отсутствует. Примеров тому сегодня, к сожалению, множество. Достаточно вспомнить факты признания брачного статуса за гомосексуальными парами, введение в систему медицины практики эвтаназии, содержащие неоправданный риск и непредсказуемые последствия эксперименты с генетическими материалами. Думаю, что можно продолжить этот печальный ряд. Однако наша общая задача – противостоять подобным явлениям.

Будущее человечества напрямую зависит от того, что оно выберет: традиционные ценности и духовный опыт множества поколений, отражённый в культурной матрице, или же секулярный универсализм Нового времени, основанный на потакании человеческим страстям.

Нашей стране довелось пережить тяжёлый период атеистических гонений. В XX веке подвиги мученичества и исповедничества за веру совершались на фоне массового распространения и методичного внедрения в сознание людей радикальных секулярных идей. С высоты минувших десятилетий особенно ярко видится трагизм отпадения человека от своего высокого призвания и отказа от традиционных норм морали, происходивших на фоне роста секуляристских тенденций в обществе, принимавших иногда формы откровенного богоборчества.

Искренне убеждён, что одна из важнейших задач, стоящих сегодня перед нами, – не допустить повторения подобного безумия атеистических репрессий против проявлений религиозной веры и религиозной практики. Именно поэтому никакие ссылки на светский характер государства не могут быть разумным аргументом для продвижения идей секулярного экстремизма, для ограничения прав и свобод верующих людей и религиозных общин, для создания искусственного средостения между религиозными институтами и обществом.

Ещё одной важной вехой середины XX века в развитии секулярной идеологии в мировом масштабе стало появление так называемой теории секуляризации. Суть её может быть выражена тезисом о постепенном угасании религиозности во всяком обществе по мере продвижения его по пути демократических преобразований, а также модернизации социальных, экономических и политических институтов и научного прогресса.

Однако в начале XXI века неожиданно обнаружилось нечто совершенно противоположное.

Во-первых, выяснилось, что миграционные процессы в Западной Европе приводят к тому, что религиозные модели общественного устройства экспортируются в страны европейской культуры, где значение

религиозных институтов в последние столетия снижалось. Таким образом, несмотря на активно происходящие в этих государствах модернизационные процессы, удельный вес религий здесь возрастает, и этот факт не может быть безразличен для религиозной жизни европейцев. Храмы превращаются в мечети, храмы пустеют, а люди, приехавшие из третьего мира в Европу, активно развивают свою религиозную жизнь. Разве это не вызов для европейцев, европейской культуры? И, в конце концов, разве это не вызов европейскому секуляризму?

Во-вторых, в условиях распространения в современном мире либеральных идей, призывающих к пересмотру традиционных нравственных ценностей, для значительного числа людей по-прежнему остаются востребованными механизмы сохранения своей культурной самобытности и обращения к традиции. А поскольку религия имеет в этом вопросе ключевое значение, то создаются предпосылки для того, чтобы религия могла бы стать вновь востребованной. Полагаю, что пример России – современного государства с развитыми наукой, техникой и образованием, возглавляемого президентом, открыто свидетельствующим о своей вере, заставляет многих и на Западе задать вопрос: «А почему у нас не так?»

Духовная борьба продолжается, и в качестве новой меры противодействия возрождению религиозности секуляризм сегодня не использует прямую атеистическую риторику. Христианам предлагается реформировать вероучительные или этические положения, несовместимые с секулярными либеральными позициями, приспособить их для оправдания текущих политико-идеологических проектов. Например, для организации управляемых протестов или для продвижения антропологических экспериментов, направленных на искажение семейных отношений, на контроль рождаемости, трансгуманистическое вмешательство в природу человека и так далее.

Кстати, о последнем мне хотелось бы сказать особо.

Трансгуманизм – это идеология радикального изменения человеческой природы, предполагающая достижение актуального бессмертия, перенесение человеческого сознания за пределы биологического тела, на иную материальную платформу. Звучит как фантастика, но это учение опасно и неприемлемо, потому что нацеливает общество на создание суррогата человека, способного в конечном счёте полностью подменить собой подлинного человека. При этом сама связь этого техногенного андроида со своим прообразом условна. По сути, эта идеология подталкивает к системной замене человеческой личности искусственным интеллектом. Мы в самом начале пути, но путь уже начался.

Нам следует помнить, что вопрос о природе человека и его личности – это вопрос совершенно не технический. Это проблема глобального мировоззренческого порядка, игнорировать которую было бы в высшей степени опасно.

В Новейшее время процесс секуляризации оказался взаимосвязан с другим, не менее значимым для жизни всего человечества процессом – с глобализацией. Мы привыкли понимать под этим термином

внешнюю унификацию моделей жизни разных стран и народов по западному образцу. Она стала для нас синонимом «вестернизации», но в действительности этот процесс более сложный.

Главной движущей силой глобализации являются рыночные механизмы. Иначе говоря, в её основе лежат прежде всего экономические причины. При этом глобальные экономические интересы получают поддержку и защиту при помощи военных, политических, культурных и иных возможных ресурсов.

Подобно тому, как мы говорили о секуляризации и секулярности, следует развести понятия глобализации и глобализма. Глобализация – это процесс формирования современного упорядоченного по определённым универсальным стандартам мира. А глобализм – это идеология, которая обосновывает и вдохновляет данный процесс.

Для идеологов глобализации весь мир предстаёт ареной для приобретения денег, единым рынком, функционирующим в рамках общих правил. Следствием этого является, в частности, активное использование экономически развитыми, обеспеченными странами ресурсов бедных стран. Во многих случаях это не только природные, но и интеллектуальные ресурсы: привлечение высококвалифицированных специалистов укрепляет научно-техническое (а значит, и экономическое, и политическое) лидерство богатых стран. Центр же – и здесь ситуация не сильно изменилась с эпохи Великих географических открытий – продаёт в страны периферии готовые высокотехнологичные товары и стремится сохранить свою монополию на технологии их производства, дабы не лишиться прибыли и глобального доминирования. Таким образом, глобализация неизбежно становится источником роста доходов одних и снижения уровня жизни других и в конце концов ещё большего расслоения народов, ещё большей дистанции между богатыми и бедными, что оборачивается, несомненно, напряжением, имеющим опасность в глобальном измерении.

Аналогичный процесс происходит и в сфере культуры. Глобалистская трансформация культурного пространства тоже тесно связана с рыночными процессами, поскольку продукты массовой культуры (кинематограф, музыка, компьютерные игры, мода) в современном мире производятся, экспортируются и сбываются по тем же правилам, что и прочие высокотехнологичные товары. И источник происхождения этого всего – тот же самый. Глобализация, однако, не делает мир более сплочённым. Внешняя унификация образа жизни на разных частях земного шара сопровождается отчуждением людей друг от друга, распадом общин, семей, пандемией одиночества.

Глобализация зачастую оказывает негативное воздействие и на духовную жизнь общества, поскольку она разрушает многовековые культурные устои и стремится нивелировать роль традиционных нравственных принципов в жизни общества, однако полноценную замену этим нравственным принципам никто предложить не может.

Традиционные институты, в том числе религиозные, пытающиеся встроиться в глобализационный процесс, «адаптироваться» под новую реальность в надежде сохраниться или получить выгоду для себя, рано

или поздно сталкиваются с угрозой потери собственной идентичности, что мы и наблюдаем на примере некоторых конфессий, когда-то бывших традиционными для Запада.

В последнее десятилетие мировые финансовая и политическая системы испытывают серьёзные перегрузки, появились очевидные предпосылки к сокращению темпов продвижения глобалистского проекта. В настоящее время в научном и публичном пространстве активно обсуждается проблема «пределов глобализации». Это вовсе не случайно. Происходит ослабление роли ведущих глобальных организаций, ориентированных на доминирование западных стран.

Вместе с тем укрепляется роль альтернативных религиозных, политических и экономических проектов, продолжается развитие двустороннего сотрудничества между странами. Глобализованный мир, называемый также однополярным, в последнее время наблюдает обратный процесс в своём развитии. Всё ярче и отчётливее проявляются тенденции к многополярности и многовекторности.

Эти ориентиры требуют изучения и осмысления. Глобализм нужно рассматривать не только с экономической или геополитической точки зрения, но и с духовной, почему мы сегодня об этом и говорим. Можно сказать, что глобализм является проектом мирового всеединства, но без учёта подлинного замысла Творца о человеке. А с точки зрения христианской эсхатологии мы знаем, что означает глобальный универсализм, и знаем, что без этого глобального универсализма не появится некто, кто будет претендовать на глобальную власть и с чьим именем будет связан конец света.

Глобализм организует интеграционные, объединительные процессы через ослабление и разрыв глубоких духовных связей между людьми, а также между Богом и человеком. Глобализм – это нерелигиозная доктрина, в ней нет места Богу. Именно поэтому все глобалистские проекты направлены против института семьи как прочной структуры, сохраняющей и передающей традицию. Глобализм не может развиваться в условиях доминирования традиционного мышления, вообще в условиях высокой роли традиций в жизни народов. Также глобализм направлен против любых крупных устойчивых исторических общностей, в первую очередь национальных и религиозных. Поэтому неудивительно, что в настоящее время в качестве глобалистского инструмента широко используется борьба всевозможных меньшинств (как правило, отрицающих традиционные ценности) против большинства. И обратите внимание, как нарушается демократический принцип! Ведь он основан на том, что большинство обретает власть через свободное волеизъявление и осуществляет эту власть от имени большинства, но в данном случае большинство не имеет поддержки со стороны институтов, в том числе пропагандистских, которые работают на поддержку философии и системы ценностей меньшинств.

Церковь в силу своей природы является помехой глобалистским процессам. Церковь свидетельствует о вертикальной шкале ценностей, о различении добра и зла. В связи с этим не ослабевают попытки исказить и размыть христианское учение, лишить Церковь силы и голоса: например, через разработку различных новых «теологических

концепций», которые бы обслуживали глобальные проекты, оправдывая, в частности, человеческие пороки, и мы с этим уже сталкиваемся на примерах радикальной протестантской теологии.

Существуют два пути реакции на вызовы глобализма.

Первый, с которым невозможно согласиться, заключается в адаптации и подчинении духовной жизни требованиям глобализма, в одобрении и благословении пороков. По этому пути идут наши коллеги на Западе, в том числе называющие себя христианами. Некоторые представители христианских церквей и общин пошли на это с целью избежать критики, чтобы стать «своими» в глобальном, секуляризованном мире. Однако этот соглашательский путь не спасает духовную жизнь от упадка, но лишь ускоряет процесс и, конечно, не спасает такие религиозные организации. Их сметут, как только будет больше сил у тех, кто связывает глобалистский проект с отсутствием всякой религиозности.

Второй путь общественной жизни можно назвать «узким», то есть трудным, тернистым. Он требует открытого свидетельства об Истине, невзирая на давление и негативную реакцию со стороны внешних сил, в том числе глобалистских.

Уважаемые участники собора! Сегодня вопросы этического выбора приобрели в мире особое звучание: они определяют как вектор движения конкретного человека, так и судьбы целых стран и народов. И от того, насколько твёрдо мы с вами будем стоять в Истине, насколько мы будем верны заветам своих отцов, преданы непреходящим духовным и нравственным ценностям, которые мы получили, в том числе через церковную традицию, во многом зависит будущее нашей страны, народа, а в глобальном плане, думаю, и будущее человеческой цивилизации. Потому что даже победа над глобализмом в отдельно взятой стране не будет иметь существенного значения для всего мира, хотя и будет важной.

Другими словами, наша борьба не против плоти и крови, но против мироправителей тьмы века всего, духов злобы поднебесных, как об этом сказал апостол (см. Ефес. 6:12). Сегодня эти слова обретают видимое выражение, и каждый может понять, о чём идёт речь, а с пониманием открывается и возможность сопротивления. И наше сопротивление всем этим разрушительным тенденциям – это возрастание в нашей вере, это верность нашим традициям, это любовь к Отечеству, это забота о его духовном и материальном благе. И покуда будет наше Отечество этим островом свободы, будет и у остального мира некий знак надежды на возможность изменить течение истории и предотвратить глобальный апокалиптический конец – по крайней мере, отодвинуть его в ту перспективу, с которой никто из нас не связывает ни свою жизнь, ни жизнь ближайших наших потомков. И да поможет нам во всём этом Господь.

Пресс-служба Патриарха Московского и всея Руси